

Мафия или секта?

Что выберет народ, окончательно отделившийся от государства.

Замечательный прозаик и историк Владимир Шаров заметил года два назад, что нынешний период российской истории характеризуется ее уходом вглубь, на низовой уровень; внешние события стремятся к минимуму, поскольку слишком истощают народ и вообще дороговато обходятся. Тенденция эта, впрочем, не столько русская, сколько общемировая: когда в мире накапливаются противоречия, порождавшие прежде мировую войну, — теперь они сравнительно мирно выражаются в виде кризиса. Тем, кто опасается в России «оранжевой революции», бояться нечего: даже стопроцентно фальсифицированные выборы никого не заставят сегодня выйти на улицы. Единственный вариант развития, опасный для властей, — коллапс системы, разруха; он не исключен, но до него еще долго. Новая русская революция происходит плавно и выражается не в том, что народ обваливает государство, а в том, что уходит из-под него.

Когда несколько авторов — и я в том числе — заговорили об этом около трех лет назад, при нарастающем параличе так называемой вертикали, при нарастающей декоративности всех властных мероприятий, от выборов до встреч с подданными, — это вызвало скептические ухмылки. Главный аргумент сводился к тому, что русский человек без государства не может. Но государство государству рознь: без нормального нервного центра страны он, может быть, действительно не обходится, но паразитарный нарост, озабоченный в основном личным благополучием, ему совершенно не нужен. Если у государственной верхушки нет единой концепции прошлого, внятного представления о настоящем и убедительной для большинства версии будущего, то и на фиг такое государство: мы сами себе его построим, да уже и строим в действительности, просто этого пока не видно.

К сожалению — говорю «к сожалению», поскольку полуподпольные структуры обычно вредно влияют на психику участников, а легальное поле в России сегодня вытоптано почти до звона, — главной моделью гражданского общества у нас сегодня стал Интернет, и только по нему можно примерно отследить реальные процессы, идущие в стране. Нигде в мире «Живой журнал» не играет такой роли: там сегодня кипят дискуссии по важнейшим культурным, научным и социологическим вопросам — все, о чем следовало бы говорить в прессе и на телевидении, обсуждается и формулируется там. Общество самоорганизуется, налаживает связи с соотечественниками, помогает старикам, собирает деньги на лекарства для больных, вырабатывает новые учебные программы для детей и вообще живет интенсивной жизнью, не обращая ни малейшего внимания на замыслы кремлевских пропагандистов и их адептов. Всенародная поддержка режима — в процентном выражении — возможна всего в двух случаях: либо население зомбировано и запугано, а в стране осуществляются масштабные репрессии, либо ему по-настоящему положить на власть, и голосует оно, вообще не думая. Первый вариант — с этим, думаю, согласятся даже заклятые враги «кровавого режима» — у нас все-таки отсутствует.

Отпадение народа от государства можно считать свершившимся фактом, хотя процесс этот далеко еще не закончен; чтобы полноценно отпасть, нужно создать работающие негосударственные механизмы, а с ними пока не все благополучно, поскольку «настоящих буйных мало». Можно помочь единицам — кого-то вылечить и выучить, снять особо бесчеловечного начальника, даже создать альтернативную культуру, не имеющую выхода на телевидение, но более популярную, чем официальная. Но нельзя решить ни одну проблему глобально — обеспечить всех больных гарантированной помощью, помочь всем бездомным, дать всем детям достойное образование. Нужно сформировать альтернативное государство — и этот процесс обещает растянуться лет на двадцать — тридцать; не исключено, что люди, занимающие сегодня ключевые посты, будут совмещать это официальное членство в госструктурах с неформальными должностями в альтернативной, полуподпольной иерархии, как иные подпольщики, занимая официальные должности при немцах, тайно помогали партизанам. Думаю, таких агентов и сейчас немало во власти; эти люди хорошо позаботились о своем будущем. Надеюсь, сравнение никому не покажется кощунственным: власть сегодня функционирует именно в мягком оккупационном режиме, о чем не писал только ленивый. Именно мягкие оккупационные режимы, избегая прямых репрессий, делают все возможное, чтобы представители коренного населения выросли не слишком умными (для этого существует ЕГЭ), лишились вертикальной мобильности и

т.д. (В свете упомянутой мобильности особенно пикантен недавний тезис В. Третьякова о желательности сословного характера русской власти; именно сословность, столько лет губившая русское общество, признана теперь гарантией его стабильности, и это верно, ибо нет ничего стабильнее смерти).

К 80-летию Фазиля Искандера я брал у него интервью и спросил, что он думает об этом отпадении населения от государственности. Искандер оценил эту тенденцию отрицательно, сказав, что ситуация такого разделения приводит к взаимной безответственности. Кроме того, формы народной самоорганизации непредсказуемы и далеко не всегда предпочтительны. Это заставило меня задуматься о возможных формах этой грядущей самодеятельности. К сожалению, человечество знает опять-таки в основном два типа негосударственной народной активности: мафия и секта.

Оба хуже.

Казалось бы, в том, чтобы уйти из-под гнета столь бездарной и бесперспективной власти, нет ничего дурного. Вопрос лишь в том, как долго можно функционировать в партизанском режиме: мой великий белорусский однофамилец достаточно порассказал нам о нравах в партизанских отрядах. Был героизм — а были и произвол, и гнет, и травля; вообще, думается мне, сегодня пришло время перечитать национальные литературы позднесоветских времен. На окраинах народ и власть давно уже существовали отдельно: советские сановники либо вырождались в баев, встраиваясь таким образом в феодальное общество, либо бессильны были это общество изменить, как, скажем, почти на всем Кавказе. Один из самых точных прогнозов дала грузинская литература, и прежде всего — Нодар Думбадзе. Хотя и сам Искандер немало рассказал в «Сандро» и особенно в «Стоянке человека». В Грузии с самоорганизацией все обстояло хорошо — но именно там было построено криминальное, по сути, государство в государстве, где взятка управляла всем. Но коррупция, чего там прятаться, и есть один из вариантов народной государственности, альтернатива бесчеловечному или глупому закону. Государству можно противопоставить мафию — что, впрочем, годится не для всякой страны: мафия, она же семья, хороша на юге. Там много значит землячество, а народ более или менее ощущает себя единым телом. Россия слишком велика и холодна, в силу климата и долгой общенациональной депрессии мы слишком часто глядим друг на друга волками; если южане встречаются за границей — они друг другу искренне радуются, но русские друг друга раздражали бы даже на Луне. И потому наиболее частой формой самоорганизации русского сообщества становится секта.

Это слово имеет у нас негативные коннотации, а между тем стоило бы придать ему нейтральный смысл и по крайней мере описать фундаментальные признаки такого объединения. Разные исследователи выделяют разные признаки сект, но для нас особенно важны пять: 1) Ярко выраженная антигосударственная, антиофициозная и в каком-то смысле антиобщественная позиция. Дело, которое делаем мы, и вера, исповедуемая нами, — не для всех и мгновенно обесценятся, став всеобщими и официальными. 2) Убеждение, что остальной мир лежит во зле, и только мы, избранные, спасемся. Формально широкая агитация — и строжайший, многоступенчатый отсев на входе. 3) Экзальтированная, взаимная приязнь и забота внутри секты — и столь же аффектированная враждебность к любому оппоненту; необходимость внешнего врага. Многочисленные и эффективные практики общей невротизации. 4) Секта не имеет идеологии, поскольку главной ее идеей является сепаратизм, копирайт на абсолютную истину и сопряженные с этим экстатические состояния, на которые подсаживаются, как на иглу. Чтобы имитировать идеологию, секта, как правило, прислоняется к бесспорной банальности: надо помогать детям, старикам, бомжам; проповедовать интернациональную дружбу; словом, бороться за все хорошее против всего плохого. 5) В любой секте наличествует «ближний круг», которому можно чуть больше — а иногда и намного больше; этот круг неизбежно формируется сам собой — и именно его конфликт с остальными в конце концов обычно разваливает секту, часто в два приема. Сначала появляется «отступник», которого все дружно травят, потом к отступнику постепенно присоединяется большинство.

Черты такой секты легко обнаружит любой посетитель оппозиционных сборищ или собраний движения «Наши», которое структурировано в полном соответствии с сайентологическими практиками. Обнаруживались они и в сообществе вкладчиков MMM, где Сергей Мавроди изначально обладал подлинной святостью; и в большинстве благотворительных фондов; и в фанатских клубах. Во всех этих объединениях мы легко обнаружим признаки той самой абстрактной и бесспорной идеологии, без которой секта невозможна: фанаты любят спорт и честь родной страны. Мавроди помогал пенсионерам и обучал население капитализму. Благотворители помогают самым бедным и униженным. Одна откровенная полемистка призналась в сетевой дискуссии, что благотворитель получает от своей деятельности мощный приток эндорфинов — а также при виде чужого горя регулирует собственную «линейку трудностей», понимая, что его горе еще не беда. Любопытнее всего, однако, то, что любые благодетели стараются помогать именно тем, кому «все равно», тем, кому никто больше не поможет. Отсюда особенно густой расцвет волонтерства вокруг хосписов или

бомжей — при практически нулевой активности в тех сферах, где рабочие руки не менее необходимы, но либо возникнет проблема с эндорфинами и чувством собственной святости, либо примут не всех, потому что нужны профессиональные навыки. Сектанту же чувство своей святости совершенно необходимо — и в этом смысле обездоленные предоставляют ему уникальный шанс. Простите мне эту циничную терминологию, но бомж, получивший тарелку супа или даже порцию лекарств, останется бомжем, а благотворитель, подавший эту милостыню (чаще всего публичную и не слишком обременительную), становится святым — сначала в собственных, а потом и в чужих глазах. Бонусы, по-моему, несравнимы.

Но я, собственно, не о благотворительности. Я о двух возможных моделях самоорганизации общества, из которых по строгому счету не приемлема ни одна. В России сейчас и так почти все — секта, и было так на протяжении веков, когда вся народная вера — о чем исчерпывающе рассказал в «Хлысте» Александр Эткинд — была внецерковной, чрезвычайно богатой и разветвленной. Генеральный раскол — на старообрядцев и никониан — дополнился появлением сотен народных учителей веры, и вся русская народная религиозность держалась не столько на уважении к официальной церкви, а на скопчестве, хлыстовстве и духоворстве. В России церковь регулярно сливается с государством и растворяется в нем; церковь благословляет, женит, отпевает, родит, освящает «Мерседесы», напутствует байкеров — но за разрешением духовных вопросов, а также за эндорфинами люди отправляются в секты.

Перед сегодняшней Россией стоит, по сути, только одна принципиальная дилемма — как в классическом анекдоте про цыганских детей: этих отмоем или новых народим? В первом варианте мы попытаемся переориентировать на нужды населения то государство, которое есть, попробуем внедрить в его структуры правильных людей, сформировать «модернизационное большинство», выработать рычаги давления на чиновников и т.д. Это было бы замечательно, поскольку самая косная церковь лучше самой продвинутой секты, а самое бюрократизированное государство лучше эсеровской «Боевой организации» или иных правдоискателей-террористов. Ни одно государство, ни одна официальная церковь не порождают такой нетерпимости, такого количества правдолюбцев с горящими глазами и непримиримой ненавистью к инакомыслию; именно поэтому обречена попытка выстроить секту на базе церкви. «Наши» отчетливо выдыхаются. Разумеется, официальное лучше, здоровей подпольного — хотя бы потому, что подполье вырабатывает у людей чрезвычайно опасные комплексы, формирует завышенную самооценку на ровном месте. Российская оппозиция безумно уважает себя за то, что она оппозиция, хотя количество ее реальных дел пренебрежимо мало; конечно, пребывание в оппозиции закаляет душу, учит храбрости и решимости — но эти плюсы перевешиваются минусами, а именно почти полной некоммуникабельностью и враждой ко всему легальному. Лучше бы канализировать энергию масс на что-нибудь открытое, но... сами понимаете, каковы шансы перестроить российскую государственность. К тому же вливать новое вино в столь старые мехи — значит почти наверняка испортить вино. В российской вертикали — неизменной от Грозного до Сталина — порядочный человек во власти обречен, а изменить эту структуру власти, видимо, невозможно без радикального изменения самого российского территориального устройства. Когда-то, когда Дальний Восток окончательно станет китайским, а Сибири надоест снабжать сырьем всю страну и она отделится, чтобы зажить вольной республикой, — в европейской России, возможно, и получится европейская власть, но до этого, по оптимистичным сценариям, лет двести, а по пессимистичным — сто. Следовательно, на ближайший век уделом России, сбросившей государственное иго и ушедшей в Сети, нети и прочие подпольные формы существования, — сделаются мафия (в экономике) и секта (в духовной сфере). Я никого не ругаю и не призываю одуматься — я констатирую факт, выполняя призыв все того же В. Третьякова: прежде чем систему реформировать, надо ее описать.

Да и что плохого в этих структурах? Всякая мафия кончает перерождением в госструктуру, иногда весьма эффективную, а всякая секта — распадом, периодом долгой депрессии и последующим индивидуальным возрождением выживших, получивших серьезную прививку от всякого сектантства. Так что ради все тех же эндорфинов будем считать, что впереди у нас последняя прививка — два последних соблазна населения на пути его неизбежного превращения в общество.

Автор: Дмитрий Быков © Новая газета ИСТОРИЯ, МИР 4156 11.11.2009, 14:13 192
URL: <https://babr24.com/?ADE=82101> Bytes: 14122 / 14122 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Дмитрий
Быков.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)